

УДК 811.512'366
DOI 10.17223/18137083/73/12

Семантика и функция форм императива в алтайском языке

А. Р. Тазранова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию семантики и функций форм повелительного наклонения алтайского языка. Центральными формами императива являются форма 2-го л. ед. ч., совпадающая с основой глагола, и форма 2-го л. мн. ч., выражающие непосредственно семантику побуждения, где адресат и исполнитель действия совпадают в лице и числе. Формы 1-го и 3-го л. императива являются многозначными, каждая форма имеет специальные императивные значения. Показана специфическая особенность алтайского императива в сфере форм 1-го л. неединственного числа, обозначающего двух и более участников действия. Этот тип императива определяется как призыв к действию, различающий минимальный и расширенный инклюзив. Впервые в системе императива алтайского языка описывается особый семантический тип – отложенный императив, выражаемый формой на =ААЫІ. В систему императивных форм включена форма на =Гыла со значением категоричного повеления ко 2-му л. мн. ч., т. е. ко многим адресатам-исполнителям.

Ключевые слова

тюркские языки Сибири, алтайский язык, императив, оптатив, расширенный инклюзив, минимальный инклюзив, эксклюзив, включительность, исключительность, повелительные формы, число, лицо

Для цитирования

Тазранова А. Р. Семантика и функция форм императива в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 173–187. DOI 10.17223/18137083/73/12

Semantics and function of imperative forms in the Altai language

A. R. Tazranova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper is devoted to the analysis of imperative forms of the Altai language. In the system of imperatives, we have identified 11 positive forms (=Ø=; CA=; =GĪn / =GĪŋ (rare); =(Ī)GAR / =AAR=; =SagAr; =GĪA; =SĪn; =AAK; =AAktAr; =y/AAlĭ: =y/AAlĭk / =AAlĭktAr (ra-

© А. Р. Тазранова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

re) and 10 negative (all form with a particle of negation, but the form on =*Gĭn* / =*Gĭŋ*). It is considered that the imperative has a complete paradigm in grammatical descriptions of the Siberian Turkic languages. In this regard, the Altai language has a particular position: the imperative-Hortative of the 1st person unit number at =*Aiyn* is derived from the paradigm and referred to the indicators of the desired mood, i.e. the optative. A specific feature of the Altai imperative is the variety of forms of the 1st person non-singular number denoting two or more participants in the action. This type of imperative is defined as a call to action distinguishing between minimal and extended inclusiveness. For the first time in the Altai language, one can observe a grammatical opposition in time with two paradigms as in the Yakut language: “the imperative of the present tense” and “the imperative of the future tense.” The first group expresses the forms of 2nd dual numbers at =*AAK* / =*AAktAr*, and =*AAlik* / =*AAliktAr*; the second group is form at =*AAli*. Thus, it turns out that the lower the degree of flatness, the greater the distance from the moment of speaking. The system of imperative forms includes the form of multiplicity on =*GYLA* with the value of a categorical imperative.

Keywords

Siberian Turkic languages, the Altai language, imperative, optative, augmented inclusive, minimal inclusive, exclusive, inclusiveness, exclusiveness, imperative forms, number, person

For citation

Tazranova A. R. Semantics and function of imperative forms in the Altai language. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 173–187. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/12

Императив – это единственная грамматическая форма, выражающая побуждение к действию, которое исходит от говорящего, характеризующаяся наличием адресата и обращенностью действия в будущее, тогда как другие наклонения передают объективную информацию о некотором положении дел и отношении говорящего к сообщаемому, т. е. модальность. По мнению В. Б. Касевича, императив соотносится не с модальной рамкой высказывания, как другие наклонения, а с «коммуникативной рамкой» [2006, с. 553].

Одним из дискуссионных вопросов общего языкознания является отнесение повелительного наклонения к особой категории наклонения в принципе, – не только в тюркских, но и в других языках мира. Императив считается «неоднородным» наклонением и по семантике, и по формальным признакам. В работе В. С. Храковского и А. П. Володина (1986) императив не относится к категории наклонения. Это прежде всего связано с тем, что формальное выражение императива отличается от других наклонений разнотипностью его форм, которые семантически по-разному соотносятся со значением собственно императива и категорией лица / числа.

В. Б. Касевич, возражая им, приводит доводы принадлежности императива к той же грамматической категории, к которой относятся и другие формы наклонений. Поскольку главнейшими режимами речевой деятельности являются «передача информации и использование информации в целях управления», для их реализации выступают однопорядковые формы индикатива и императива: формы индикатива и императива, занимают одну и ту же позицию в словоформе и выполняют аналогичные синтаксические функции в предложении [Там же, с. 554]. Значением императива является «волеизъявление говорящего, результатом которого, с точки зрения говорящего, должно стать совпадение пропозиционального содержания его высказывания с действительностью» [Там же]. По определению И. А. Мельчука, «императив выражает приказание (в очень широком смысле) и представляет собой речевой акт, посредством которого говорящий выражает

свою волю и пытается воздействовать на адресата, побудив его, таким образом, к желаемым действиям» [Мельчук, 1998, с. 155]. Поэтому, в отличие от семантики других наклонений, семантика императива является более сложной, так как в его функции входит не только выражение модального значения, но и выполнение апеллятивной функции, совмещающей выражение желания с побуждением [Плунгян, 2011, с. 436]. В семантике императива содержится не только побуждение к действию, но и желание или волеизъявление говорящего, т. е. имеется оттенок модальности, а также приказ, оттенок апеллятивной составляющей.

Императив как особое наклонение традиционно выделяется во всех тюркских языках. Некоторые формы императива в тюркских языках формально и семантически тесно связаны с условным и другими наклонениями, имеющими смежные значения, поэтому многие ученые выделяют желательное-повелительное или повелительно-желательное наклонение [Кормушин, 2006, с. 294–296]. В турецком и татарском языках строится неполная парадигма императива, так как в нее не включается форма 1-го л.: в парадигму включены только показатели 2-го и 3-го л. В данных языках обращение к 1-му л. относят к желательному наклонению, в котором отсутствуют показатели 2-го и 3-го л. [Закиев, 1997, с. 364; Кононов, 1997, с. 402]. Аналогичную картину мы видим в ряде исследований алтайского языка, например: в «Грамматике ойротского языка» Н. П. Дыренковой форма 1-го л. ед. ч. на *=(A)йЫн* рассматривается в разделе повелительного наклонения, но с оговоркой, что это форма «собственно желательная» [ГОЯ, 1940, с. 159]. Авторы новой «Грамматики современного алтайского языка» форму 1-го л. ед. ч. в парадигму императива не включают, обосновывая это тем, что «эта форма в первую очередь выражает значение желания совершить некоторое действие говорящим, а также его готовность это действие совершить» [ГСАЯ, 2017, с. 333], с чем мы полностью солидарны, так как этой формой выражается прежде всего желание.

Из тюркских языков Южной Сибири исследователи выделяют полную парадигму императива в хакасском и тувинском [Карпов, 1975, с. 196–197; ГТЯ, 1961, с. 391–394], хотя авторы ГТЯ также пишут, что «формы 1-го л. единственного, двойственного и множественного чисел включаются в данную парадигму условно, так как они выражают значение желания. Собственно императивное значение имеют лишь формы 2-го и 3-го лиц и выражают различные степени побуждения к действию: приказание, призыв, просьбу, пожелание» [ГТЯ, 1961, с. 394].

В алтайском языке в императивную парадигму обычно включают 6 положительных и 6 отрицательных показателей. Но авторы последней «Грамматики современного алтайского языка» [ГСАЯ, 2017], а также Н. Д. Алмадакова [2012], исключив из списка форму на *=АйЫн* 1-го л. ед. ч., традиционно считавшуюся формой повелительного наклонения (например, авторами ГАЯ, Н. П. Дыренковой), к показателям императива относят 10 положительных форм, включив древнюю редкую форму на *=ГЫн* и формы превентива 2-го л. ед. ч. на *=ДЫн* и 2-го л. мн. ч. на *=ДЫгАР*. Последние две формы, на наш взгляд, больше относятся к апрехенсиву, чем к императиву. Эта форма передает значение предостережения субъекта-адресата от совершения нежелательного действия, поступка: *аиш=ты=н* 'как бы ты не упал'. Значение запрета, побуждения не совершать действия передается прибавлением к формам императива отрицательного аффикса на *=БА*, где на первое место выходит семантика запрета, побуждения, что присуще императиву, а не апрехенсиву. Мы включили в парадигму императива 12 положительных форм и 11 отрицательных, причем 2 из них, гипотетически допустимые, в текстах

не встречаются (табл. 1). В данной статье мы остановимся на особых, специфических значениях, передаваемых данными формами, которые не были отмечены в исследованиях по алтайскому языку и в последней «Грамматике современного алтайского языка», где подробно рассматриваются показатели императива и выражаемые ими значения (см. [ГСАЯ, 2017, с. 332–340]).

Показатели 2-го лица единственного числа

Полное значение императива реализуется именно во 2-м л., поэтому анализ начнем со 2-го л., где побудителем к действию выступает говорящий, а исполнителем является адресат, на которого нацелено побуждение. Нулевая форма употребляется при адресате на «ты» в обращении к сверстнику, младшему по возрасту либо близкому человеку, а также к человеку, равному по социальному положению. Главные частные значения, передающиеся 2-м л. императива, – это приказ, просьба, инструкция, предложение, разрешение, совет и согласие [Храковский, Володин, 1986, с. 136–147].

(1) *Василий Петрович, адыннан тўш!* (Манитов, 2002, с. 157)

Василий Петрович ад=ын=нан
Василий Петрович лошадь=POSS.2SG=ABL
тўш=Ø
спускаться=IMP.2SG
'Василий Петрович, спускайся со своей лошади!'

Как видно из примера, субъект желания, говорящий, каузирует реализацию ситуации одним исполнителем, адресатом высказывания (Василий Петрович).

Если во 2-м л. ед. ч. адресатом побуждения является один исполнитель желаемого действия, то во 2-м л. мн. ч. адресатом оказываются два и более, т. е. множество исполнителей действия, на которых направлено побуждение со стороны говорящего.

(2) *Аттарыгарды мында тургузып ийгер!* (Манитов, 2002, с. 168)

ат=тар=ыгар=ды мында тургуз=ып
лошадь=PL=POSS.2PL=ACC здесь остановить=CV
ий=гер
AUX: посылать=IMP.2PL
'Остановите тут своих лошадей!'

Эта же форма, т. е. числовой показатель, вносит семантику вежливости, когда он употребляется как форма вежливого обращения на «Вы» к одному уважаемому или почитаемому человеку либо к старшему по возрасту в качестве адресата-субъекта действия:

(3) *Куучындагар, куучындагар, таай.* (Ередеев, 2009, с. 307)

куучында=гар куучында=гар
рассказывать=IMP.2PL рассказывать=IMP.2PL
таай
дядя (со стороны матери)
'Рассказывайте, рассказывайте, дядя.'

Показатели императива в алтайском языке
 Indicators of the imperative in the Altaic language

Таблица 1

Table 1

№ примера	Лицо	Форма			
		положительная		отрицательная	
		ед. ч.	неед. ч.	ед. ч.	неед. ч.
1	1-е	–	=ААк	–	=БААк
2	1-е	–	=ААктАр	–	=БААктАр
3	1-е	–	=й/ААлЫ	–	=БААлЫ *
4, 5	1-е	–	=й/ААлЫк / =й/ААлЫктАр *	–	=БААлЫк / =БААлЫктАр *
		ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
6, 7	2-е	=Ø	=(Ы)гАр / =ААр	=БА	=БАгАр / =БААр
8, 9	2-е	=САН	=САгАр	=БАзАН	=БАзАгАр
10	2-е	=ГЫн / =ГЫн (редкая)	–	–	–
11	2-е	–	=ГЫЛА	–	=ГЫЛАБА
12	3-е	=СЫн		=БАЗЫн	

Знаком «звездочка» помечены гипотетически допустимые формы.

Специфической функцией императива 2-го л. в значении просьбы является ее использование в прошениях милости и благополучия у духов Алтая: говорящий обращается к очеловеченному, одухотворенному адресату-субъекту – духу-хозяину конкретной местности, конкретного источника, конкретной горы, тайги – с определенной просьбой, с верой, что на его просьбу будет отклик, она будет осуществлена, что отмечено и в тувинском языке [Ооржак, 2019, с. 36]. Но, в отличие от тувинского, в алтайском обращение к разным духам Алтая в большинстве случаев используется в форме вежливости на «Вы», редко на «ты»:

(4) *Агаруу санаа жайагаар! Арка-сынды јенгилтеер! Балдарга сүүнчи беригер, Баш болзын, аржаным!* (Ередеев, 2009, с. 356)

агаруу	санаа	жайа=гаар	арка-сын=ды
святой	мысль	сотворить=IMP.2PL.HON	спина-рост=ACC
јенгилт=еер		балдар=га	сүүнчи
облегчать=IMP.2PL.HON		дети=DAT	радость
бер=игер		баш болзын	аржан=ым
давать=IMP.2PL.HON		Господи	целебный источник=POSS.1SG

‘Сотворите святые мысли! Дайте здоровье! Детям дайте радость! О, Господи, мой высокочтимый целебный источник!’

(5) *Алтай кудайым меге болуш!*

Алтай	Кудай=ым	меге	болуш=Ø
Алтай	Бог=POSS.1SG	я.DAT	помогать=IMP.2SG

‘Мой Бог Алтай, помоги мне!’

Форма 2-го л. ед. ч. в значении инструкции используется в благословениях, напутствиях и наказах, обращенных говорящим непосредственно к адресату. Адресатом действия, реализация которого происходит по желанию говорящего, может быть не только одушевленное лицо, как отмечено в новой «Грамматике современного алтайского языка» [ГСАЯ, 2017, с. 335], но и неодушевленный предмет, что демонстрируют примеры (6), (7):

(6) *Кийис басса, алкаар: Тенери сууга өтпös бол, Эдингенге чöйилбес бол!* (УУС, 2010, с. 10)

кийис	бас=са	алка=ар	тенери
войлок	валять=COND	благословлять=PrP	небо
суу=га	öt=пös	бол=Ø	эдин=ген=ге
вода=DAT	промокать=NEG.PrP	быть=IMP.2SG	пользоваться=PP=DAT
чöйил=бес		бол=Ø	
растягиваться=	NEG.PrP	быть=IMP.2SG	

‘Когда валяют войлок, то благословляют (так): не промокай в дождь, не растянишь [не потеряй свою форму], когда будет пользоваться тобой хозяин!’

(7) *Јааш келеетсе, айдар: јаан кырдын ары јанына јаа! Јаандардын эжигине јаа!* (УУС, 2010, с. 13)

јааш	кел-е-ет=се	айд=ар	
дождь	идти-CV-AUX: лежать=COND	говорить=PrP	
јаан	кыр=дын	ары	јан=ы=н=а
большой	гора=GEN	тот	сторона=POSS.3=INFX=DAT
јаа=Ø		јаан=дар=дын	
идти (о дожде)=IMP.2SG		начальник=PL=GEN	

(9) *Энем аржан суула јунунзын, алканзын!* (Ередеев, 2009, с. 261)

эне=м аржан суу=ла јун=ун=зын
мать=POSS.1SG целебный вода=INSTR мыться=REFL=IMP.3SG
алка=н=зын
благословлять=REFL=IMP.3SG

‘Пусть моя мама целебной водой моется, просит благословения для себя!’

(10) *Ол ишти бойлоры этсиндер!*

ол иш=ти бой=лор=ы эт=син=дер
та работа=ACC сам=PL=POSS.3 делать=IMP.3=PL

‘Ту работу пусть они сами делают!’

Далее мы подробно остановимся на семантических особенностях формы 3-го л., когда референтом является неодушевленное или одушевленное лицо, но не человек; такие особенности не отмечались в [ГСАЯ, 2017, с. 335].

Когда каузируемый субъект – не человек, а животное, то говорящим передается скорее его желание, воля, т. е. в данном случае с императивным значением переплетается оптативное. Адресат – пассивный слушатель желаемого действия субъекта-каузатора:

(10а) *Ак-малым тыш турзын!* (УУС, 2010, с. 10)

ак мал=ым тыш тур=зын
белый скот=POSS.1SG мирно стоять=IMP.3SG

‘Пусть мой скот спокойно живет!’

Специфичным употреблением императивной формы 3-го л. ед. ч. является ее функционирование в фольклоре: благопожеланиях, заклинаниях и проклятиях, где доминирует оптативная семантика, состоящая в желании говорящего словами воздействовать на реальную действительность.

(11) *Айыл туткан бу балдар*

Амыр энчү јуртазын (УУС, 2010, с. 95)

Айыл тут=кан бу балдар амыр
семья создать=PP этот дети мирно
энчү јурта=зын
спокойно жить=IMP.3

‘Эти молодожены пусть живут в мире и согласии!’

В примере (11) говорящий выражает свое пожелание 3-м лицам, чтобы они сами действовали для себя и своего блага в соответствии с содержанием этих высказываний говорящего, т. е. здесь присутствует императивная семантика наряду с оптативной.

А в проклятиях и заклинаниях говорящий косвенно выражает пожелания зла референту:

(12) *Айткан сөзинг бойынга јетсин!*

айт=кан сөз=инг бой=ын=a
говорить=PP слово=POSS.2SG сам=POSS.2SG=DAT
јет=син
достигать=IMP.3SG

‘То [плохое], что ты сказал, пусть оно тебя самого постигнет!’

Таким образом, 3-м л. ед. и мн. ч. императива выражается повеление говорящего референту через посредника, т. е. семантика косвенного императива; референтом, не участвующим в речевом акте, может быть как одушевленное, так и неодушевленное лицо; в благопожеланиях и проклятиях в зависимости от контекста проявляется оптативно-императивная или чисто оптативная семантика.

Императив 1-го лица

В работе Е. И. Убрятовой, когда речь идет об императиве 1-го л. в тюркских языках, выделяются такие категории, как категория включительности (инклюзив) и исключительности (экслюзив) [Убрятова, 2011, с. 261]. Понятия «инклюзив» и «экслюзив» были впервые использованы К. Грэнбеком в отношении местоимений в якутском языке *эн биһикки* ‘мы с тобой’ и *кини биһикки* ‘мы с ним’, о семантике включительности, которая выражается показателями двойственного числа на =*ыаҕ*=*ын* в якутском, также говорит Л. Н. Харитонов [1947]. О форме двойственного числа в парадигме повелительного наклонения отмечается в работе Е. И. Коркиной [1970, с. 148]. Е. И. Убрятова отмечает, что в современном якутском разговорном и литературном языке формы исключительности и включительности в парадигме императива наблюдаются, хотя они определяются как формы двойственного и множественного числа [2011, с. 262]. В тюркских языках Сибири (в тувинском, тофаларском, хакасском) понятия включительности (инклюзива) / исключительности (экслюзива) применяются в области местоимений и показателей повелительного наклонения 1-го л. [ГТЯ, 1961, с. 165; Карпов, 1975, с. 189–192; Рассадин, 1978, с. 79; ГСАЯ, 2017, с. 336, Ооржак, 2019, с. 43].

И. А. Невская в сибирских тюркских языках выделяет формы минимального и расширенного инклюзива, а также экслюзива, по наличию которых разделяет сибирские тюркские языки на 2 группы: 1) языки, различающие формы минимального и расширенного инклюзива (например, тоф. *al=aali* ‘Давай возьмем (ты и я)’, *al=aaliŋ* / *al=aaliŋar* ‘Давайте возьмем (вы и я)’); 2) языки, различающие формы экслюзива, минимального и расширенного инклюзива, куда относится только хакасский язык (*al=aŋ!* ‘Давай возьмем!’, *Al=aŋnar!* ‘Давайте возьмем!’, *Al=i:biŋ!* ‘Давайте мы возьмем (но не ты)!’) [Невская, 2012, с. 78].

Таблица 2

Формы 1-го лица императива в алтайском языке

Table 2

Forms of the 1st person imperative in the Altai language

Форма	Исполнители		
	я + ты	я + он, но не ты	я + мы, я + все, включая тебя / вас
= <i>Аак</i>	<i>бар=аак</i> ‘пойдем’	–	–
= <i>АактАар</i>		–	<i>Бар=аактар</i> ‘я + множество лиц: пойдемте’
= <i>Аалы</i>	<i>Бар=аалы</i> (я и ты)	–	
= <i>АалЫк</i>	<i>Бар=аалык</i> (я и ты)	–	
= <i>АалЫктАр</i>	–	–	<i>Бар=аалыктар</i> ‘я + множество лиц: пойдемте все’

Из табл. 2 видно, что в алтайском языке императив 1 л. неединственного числа выражается в двух вариантах: 1) состав исполнителей состоит из двух персон (я – говорящий, ты – адресат) – минимальный инклюзив; 2) количество исполнителей больше двух человек (я – говорящий, мы / вы – множество-адресатов исполнителей) – расширенный инклюзив, что отмечено и другими исследователями тюркских языков [Коркина, 1970, с. 48; Рассадин, 1978, с. 225; ГСАЯ, 2017, с. 336–337]. В тувинском языке, по мнению Б. Ч. Ооржак, кроме этих двух вариантов, по комбинации субъектов действия имеется третий вариант «я + он», хотя этот вариант не имеет специфического показателя, а выражается как контекстуальное значение минимальной инклюзивной формы [Ооржак, 2019, с. 43].

В алтайском языке местоимениями *бис* ‘мы’, *бис* плюс аффикс множественного числа на *=Лар* ‘мы’ – это ‘я, ты / вы и он(а) / они’; *слер* ‘вы’ – *слерлер* ‘вы все, вы с ними’ описывается множественность, а не инклюзив и эксклюзив, что ранее отмечено и у И. А. Невской: «противопоставлены не минимальный и расширенный инклюзив, а группы лиц другим лицам, нередко ироничное: мы и нам подобные, вы и вам подобные» [Nevskaya, 2005, p. 339–357].

В отличие от императивных форм 2-го и 3-го л., где имеется в большинстве случаев семантика неотлагательности исполнения действия от каузатора, императивом 1-го л. неединственного числа может выражаться призыв к совместному действию, где говорящий принимает непосредственное участие, но при этом каузируемый адресат может не выполнять просьбу говорящего. Разными формами передаются разные оттенки просьбы, призыва (ненавязчивое побуждение, категоричный призыв, смягченное приглашение) в зависимости от контекста. Ср. примеры (13) и (14):

(13) *Эртен ойто мында келип отураалы!* (Манитов, 2002, с. 136)
 эртен ойто мында кел=ип отур=аалы
 завтра опять здесь приходить=CV сидеть=IMP.1DUAL
 ‘Давай завтра еще раз придем и тут посидим!’

(14) – *Эрте, Тома. База эмеш отураак?!* (Манитов, 2002, с. 146)
 эрте Тома база эмеш отур=аак
 рано Тома еще немного сидеть=IMP.1DUAL
 ‘– Рано, Тома. Давай еще немного посидим?!’

В обоих предложениях присутствуют значения желания и побуждения говорящего к совместному совершению действия «я и ты» (минимальный инклюзив), но в примере (13) обращение ненавязчивое, в отличие от примера (14), где призыв к совместному действию, не терпящий возражений со стороны адресата. Второе самое главное отличие состоит в том, что в примере (13) выражается будущее время, а в (14) – настоящее время данного момента.

В примере (15) семантика призыва адресована к множеству исполнителей, а в примере (16) обращение к одному адресату-субъекту, конкретно к малознакомому человеку, на «Вы», выражается «вежливая» форма императива, т. е. значение расширенного инклюзива (Вы и я).

(15) *Јен-јенистен тудужып,
 Јыргаалактар, јүрелер!* (Кокышев, 1971, с. 93)
 јен-јенис=ген туд=уж=ып јырга=алак=тар
 рукав-рукав=ABL держать=RECIP=CV гулять=IMP.1DUAL=PL
 јүре=лер
 подруга=PL
 ‘Взявшись за рукава, давайте погуляем, подруги!’

(16) – *Үйге киреектер, мында не турус? – деп, Лена кенетийин манзаара берди.* (Кокышев, 1971, с. 89)

үй=ге кир=еек=тер мында не
дом=DAT заходить=IMP.1DUAL=PL здесь что
тур=ус деп Лена кенетийин манзаар=а
стоять=PRES.1PL CONJ Лена вдруг торопиться=CV
бер=ди
AUX: дать=PAST
‘– Что мы тут стоим, давайте зайдем в дом! – вдруг Лена начала торопиться.’

Таким образом, по данным предыдущих исследований (ГАЯ, ГОЯ, ГСАЯ), в алтайском языке в системе императива 1-го л. двойственного числа выделяются три формы призыва к адресату действия: =ААк, =ААлы, =ААлЫк, отличающиеся между собой только по одному признаку – по степени категоричности. Считается, что форма на =ААк передает сильную степень категоричности; форма на =ААлЫк – среднюю; форма на =ААлы – низкую. Наше исследование показывает, что между этими формами в зависимости от контекста имеется грамматическая оппозиция по времени.

Как известно, из тюркских языков только в якутском языке в категории императива имеются формы, различающиеся в первую очередь по временной дистанции до исполнения желаемого действия: первая из них выражает побуждение к немедленному действию; вторая передает побуждение к более позднему действию. Первая группа имеет полную парадигму, в отличие от другой, где представлено только 2-е л. Императив отдаленного будущего времени в якутском языке выражается двумя формами: 1) на =аар (2 л. ед. ч.), =ымаар (2 л. мн. ч.); 2) на =аарыйый (2 л. ед. ч.), =ымаарыйый (2 л. мн. ч.) [Коркина, 1970, с. 161–162]. По мнению Б. Ч. Ооржак, в тувинском и шорском функцию «отложенного» императива выполняет форма будущего времени на =Ар во 2-м л. [2019, с. 44].

В алтайской системе повелительного наклонения, как показывает наш материал, в ряде контекстов можно дифференцировать две формы с темпоральной оппозицией: «императив настоящего времени» и «императив будущего времени». Первую группу выражают формы 2-го л. на =ААк / =ААктАр и =ААлЫк / =ААлЫктАр, вторую группу представляет форма на =ААлы с семантикой менее категоричного побуждения. Получается, чем ниже степень категоричности, тем больше отдаление исполнения действия от момента речи. Ср. примеры (17), (18).

(17) – *Je кожондоп береектер!* (Манитов, 2002, с. 235)

je кожондо=п бер=еек=тер
но петь=CV AUX: дать=IMP.1DUAL=PL
‘Ну, давайте споем [ему]!’

(18) *Jaан-Өзөктин бажын алып алаалык дейдим!* (Каинчин, 2003, с. 349)

Jaан-Өзөк=тин баж=ы=н ал=ып
Дьяан-Езек=GEN верхушка=POSS.3=ACC брать=CV
ал=аалык де=йд=им
AUX: брать=IMP.1DUAL говорить=PRES=1SG
‘Я говорю, давай купим верхушку Дьяан-Езека!’

В примерах (17), (18) выражается категоричное императивное значение, призыв к совместному действию под строгим контролем говорящего, который должен быть выполнен в момент речи или в ближайшем будущем.

(19) *Ого крестьян хозяйство туд=аалы!* (Каинчин, 2003, с. 349)

ого крестьян хозяйство туд=аалы
тог.DAT крестьянский хозяйство строить=IMP.IDUAL
'Давай там построим крестьянское хозяйство!'

(20) *Оймок, айыл-јуртту болоолы?!* (Ередеев, 2009, с. 309)

Оймок айыл-јурт=ту бол=оолы
Оймок семья=POSSV быть=IMP.IDUAL
'Оймок, давай создадим семью?!'

Последние примеры с формой на =ААЛЫ передают побуждение, направленное в будущее, при этом не предполагается немедленное исполнение действия прямым исполнителем.

В художественной литературе примеры с формой на =ААЛЫк встречаются не часто, кроме форм на =ААК / =ААКтАр, =ААЛЫ, форма на =ААЛЫктАр относится к разговорному дискурсу.

Выводы

1. Императив в грамматических описаниях сибирских тюркских языков имеет полную парадигму. Некоторые исследователи алтайского языка в последнее время занимают особую позицию в этом отношении: форма императива-гортатива 1-го л. ед. ч. на =АйЫн выведена из парадигмы и отнесена к показателям желательного наклонения, т. е. к оптативу, хотя первыми авторами ГАЯ [1869] и Н. П. Дыренковой [ГОЯ, 1940] она рассматривалась в поле императивных форм.

2. Повеление говорящего референтом через посредника выражается 3-м л. ед. и мн. ч. императива, т. е. семантика косвенного императива; референтом-субъектом повелеваемого действия, не участвующим в речевом акте, может быть лицо как одушевленное, так и неодушевленное; в благопожеланиях и проклятиях, а также когда субъектом действия является 3-е л., но не человек, проявляется оптативная семантика.

3. Специфической особенностью алтайского императива является многообразие форм 1-го л. неединственного числа, обозначающего двух и более участников действия. Этот тип императива определяется как призыв к действию, различающий минимальный и расширенный инклюзив.

4. Впервые в алтайском языке в ряде контекстов выделяется употребление формы на =ААлы в функции отложенного императива, подобно якутскому языку.

5. В систему императивных форм включена форма на =ГЫЛА со значением категоричного императива 2 л. мн. ч.

6. Форма превентива на =ДЫн со значением апрехенсива нами не включена в систему императива алтайского языка, так как этой формой передается не побуждение, а предостережение адресату относительно возможных негативных последствий совершения действия.

Список литературы

Алмадакова Н. Д. О форме на =айын в языке теленгитов и в литературном алтайском языке // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай)». Горно-Алтайск, 2012. С. 69–76.

ГАЯ – Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

- ГОЯ – Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940. 303 с.
- ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
- ГТЯ – Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1961. 471 с.
- Закиев М. З. Татарский язык // Языки мира. Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 357–372.
- Карпов В. Г. Глагол // Грамматика хакасского языка. М., 1975. С. 163–245.
- Касевич В. Б. Труды по языкознанию: В 2 т.: СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 1. 664 с.
- Кононов А. Н. Турецкий язык // Языки мира. Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 394–412.
- Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 308 с.
- Кормушин И. В. Глагол. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 240–326.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Москва; Вена, 1998. Т. 2. 543 с.
- Невская И. А. Категория инклюзива и эксклюзива в алтайских языках // Вестник ТГПУ. 2012. № 1 (116). С. 75–81.
- Озонава А. А. Система косвенных наклонений в грамматических исследованиях по алтайскому языку // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (36). С. 33–44.
- Ооржак Б. Ч. Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2019. 52 с.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 669 с.
- Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 288 с.
- Убрятова Е. И. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск, 2011. 282 с.
- Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947. Ч. 1.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986.
- Nevskaya I. Inclusive and exclusive in Turkic languages. In: Filimonova E. (ed.). Clusiviti. Tipological and case studies of the inclusive-exclusive distinction. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Company, 2005, p. 339–357.*

Список источников

- Ередеев А. Сургалдын. Горно-Алтайск, 2009.
- Каинчин J. Ёстибисте уч Сүмер. Горно-Алтайск, 2003.
- Кокышев Л. Мечин жылдыс. Горно-Алтайск, 1971.
- Манитов С. Кайкамчылу кижн. Горно-Алтайск, 2002.
- УУС – Улаганнын укаалу сөстөри. Улалу, 2010.

Список условных обозначений

ABL – аблатив, **ACC** – аккузатив, **AUX** – вспомогательный глагол, **COND** – форма условного наклонения; **CONJ** – союз; **CV**– деепричастные формы, **GEN** –

генитив, **DAT** – датив, **DUAL** – двойственное число, **HON** – уважительная форма, **INFX** – инфикс, **INSTR** – орудный падеж, **IMP** – императив, **NEG** – отрицание, **PART** – причастная форма; **PAST** – форма на =ды прошедшего времени, **PI** – множественное число, **POSS** – посессив, **POSSV** – аффикс обладания, **PP** – причастная форма, **PRES** – форма настоящего времени, **PrP** – причастие будущего времени на =ар, **Q** – вопросительная частица; **RECIP** – совместный залог, **REFL** – возвратный залог; **SG** – единственное число, / – разграничитель значений в комплексной морфеме; **V** – глагол, = – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах; 1, 2, 3 – лицо; Ø – нулевая морфема.

References

Almadakova N. D. O forme na =ayun v yazyke telengitov i v literaturnom altayskom yazyke [On the form in =ayun in the Telengit language and in the literary Altai language]. In: *Materialy 3 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitay)"* [Materials of the International scientific and practical conference "History and culture of peoples of South-Western Siberia and neighboring regions (Kazakhstan, Mongolia, China)"]. Gorno-Altaysk, 2012, pp. 69–76.

Dyrenkova N. P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [Grammar of the Oirot language]. Moscow, Leningrad, 1941, 302 p.

Grammatika altayskogo yazyka [Grammar of the Altai language]. Kazan, 1869.

Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of modern Altai language. Morphology]. Gorno-Altaysk, 2017, 575 p.

Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Nauka, 1961, 471 p.

Karpov V. G. Glagol [Verb]. In.: *Grammatika khakasskogo yazyka* [Grammar of the Khakass language]. Moscow, 1975, pp. 163–245.

Kasevich V. B. *Trudy po yazykoznaniyu: V 2 t. T. 1* [Works on linguistics in 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, SPbU, Faculty of Philology, 2006, 664 p.

Kharitonov L. N. *Sovremennyy yakutskiy yazyk. Fonetika i morfologiya* [Modern Yakut language. Phonetics and morphology]. Yakutsk, 1947, Pt. 1.

Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Leningrad, Nauka, 1986.

Kononov A. N. *Turetskiy yazyk* [Turkish language]. In: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Türkic languages]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 394–412.

Korkina E. I. *Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke* [Verb moods in the Yakut language]. Moscow, Nauka, 1970, 308 p.

Kormushin I. V. *Glagol. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Verb. Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Praturkic protolanguage. Picture of the world of the Praturkic ethnos according to the language data]. Moscow, Nauka, 2006, pp. 240–326.

Mel'chuk I. A. *Kurs obshchey morfologii. T. 2* [Course of general morphology. Vol. 2]. Moscow, Vienna, 1998, 543 p.

Nevskaya I. Inclusive and exclusive in Turkic languages. In: *Clusiviti. Tipological and case studies of the inclusive-exclusive distinction*. Filimonova E. (Ed.) Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Company, 2005, pp. 339–357.

Nevskaya I. A. *Kategoriya inklyuziva i eksklyuziva v altayskikh yazykakh* [Category of inclusive and exclusive in Altaic languages]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012, no. 1 (116), pp. 75–81.

Oorzhak B. Ch. *Sistema grammaticheskoy modal'nosti v tuvinskom yazyke (v so-postavlenii s tyurkskimi yazykami Sibiri)* [The system of grammatical modality in the Tuvan language (in comparison with the Turkic languages of Siberia)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2019, 52 p.

Ozonova A. A. *Ozonova A. A. Sistema kosvennykh nakloneniy v grammaticheskikh issledovaniyakh po altayskomu yazyku* [System of indirect modes in grammatical research on the Altai language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2018, no. 2 (36), pp. 33–44.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moscow, RSUH Publ., 2011, 669 p.

Rassadin V. I. *Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [Morphology of the Tofalar language in comparative coverage]. Moscow, Nauka, 1978, 288 p.

Ubryatova E. I. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po tyurkskim yazykam* [Selected works. Research on Turkic languages]. Novosibirsk, 2011, 282 p.

Zakiev M. Z. *Tatarskiy yazyk* [Tatar language]. In: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Türkic languages]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 357–372.

List of sources

- Eredeev A. *Surgaljyn*. Gorno-Altaysk, 2009.
Kainchin J. *Ystybiste ych symer*. Gorno-Altaysk, 2003.
Kokyshev L. *Mechin jyldys*. Gorno-Altaysk, 1971.
Manitov S. *Kaykamchylu kizhi*. Gorno-Altaysk, 2002.
Ulagannyn ukaalu söstöri. Ulalu, 2010.

Сведения об авторе

Тазранова Алена Робертовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

atazranova@mail.ru
ORCID 0000-0001-8149-9971

Information about the author

Alena R. Tazranova – Candidate of Philology, Senior Researcher at the Department of Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

atazranova@mail.ru
ORCID 0000-0001-8149-9971